

Le Monde en France: 75 c.

Le Monde en France: 75 c.

РОССИЯ И СЛАВЯНОСТЬ

Органъ національно-освободительной борьбы и славянской взаимности

HEBDOMADAIRE RUSSE

La Russie et le Monde Slave

Fondateur: Pierre STRUVE

Редакторъ: К. И. ЗАЙЦЕВЪ

Directeur: Cyrille ZAITSEFF

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи
Петра Струве

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

9, rue Le Goff - Paris (V)

Tél.: Gobelins 65-95, 12-86

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 4-8 ч. в.

Контора открыта отъ 1 до 4 ч. д.

Изъ книги „Далекіе дни“

Всякій разъ, когда я вспоминаю о Чеховѣ, всякій разъ, когда передъ моею памятью возникаетъ образъ этого человека, двѣ черты его характера особенно ярко встаютъ передо мною. Это — постоянная напряженность его творчества и его постоянная же удивительная скромность. Чеховъ можетъ быть, ближе другихъ своихъ современниковъ подходилъ къ идеальному типу поэта. Я хочу этимъ сказать, что Чеховъ слишкомъ дорожилъ своимъ творчествомъ, дорожилъ главнымъ образомъ, его свободой и ревниво охранялъ ее отъ какихъ бы то ни было партійныхъ вліяній, всегда стоящихъ ниже истиннаго художественнаго творчества. Онъ былъ въ свою эпоху, достаточно насыщенную такими вліяніями, однимъ изъ самыхъ свободныхъ творцовъ. Прочтите его письма къ Плещееву и Суворину, и вы найдете этому несомнѣнное подтвержденіе. И въ первый же день нашего знакомства, когда ночью мы выходили съ нимъ отъ Плещеева и шли по пустыннымъ улицамъ Петербурга, Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Литература не можетъ быть партійной, а она у насъ такой сдѣлалась. Не надо писать протестующихъ стиховъ противъ плохого городского.

И пройдя нѣсколько шаговъ, разсмѣявшись, прибавилъ:

— Все равно и стихи, и романы, и рассказы будутъ хуже городского.

Этотъ призывъ къ свободѣ художественнаго творчества, высказанный мнѣ Чеховымъ въ первый же день нашего знакомства, поразила меня своей неожиданностью въ ту пору, когда къ безлестности прилагались мѣрки ретроградной и либеральной.

Чеховъ, какъ извѣстно, началъ свою дѣятельность въ мелкихъ юмористическихъ журналахъ маленькими бытовыми рассказами, не стремясь занять сразу заманчиваго положенія въ толстыхъ журналахъ. И это очень характерная черточка для покойнаго писателя. Въ ней сказывается и присущая ему скромность, и поиски той свободы духа, безъ которой творчество было въ его глазахъ лишено цѣны. Его рассказы скоро обратили на себя вниманіе. Скрашенные юморомъ предстали передъ читателемъ черты мелкой буржуазіи и не ея одной, дѣлая автора пѣвцомъ человеческой пошлости, навѣвавшей грусть на читателя. Скоро сдѣлалось понятнымъ, что эта невольная грусть струится съ высоты писательскаго идеала, что Чехову есть что сказать людямъ, и что это

большой писатель. Во всякомъ случаѣ замѣтили это прежде другихъ не въ либеральствующемъ лагерѣ. Григоровичъ, Суворинъ, Плещеевъ были первыми изъ тѣхъ, кто обратилъ серьезное вниманіе на новое дарованіе. Суворинъ же далъ возможность большаго заработка нуждавшемуся автору и былъ первымъ его издателемъ. Я вспоминаю теперь, какъ часто въ разговорахъ со мной Чеховъ съ благодарностью говорилъ о Суворинѣ, говорилъ о томъ, что не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ духовномъ помогъ ему Суворинъ, предоставляя полную свободу творчества.

— Видъ вотъ какой большой человекъ, а развѣ у насъ его цѣнятъ? — неоднократно повторялъ Чеховъ.

А въ противоположномъ лагерѣ даже косились на отношенія Чехова къ «Новому Времени», понимая, однако, что это крупный писатель, которому должны быть открыты страницы всѣхъ русскихъ журналовъ. Такъ началась въ буквальномъ смыслѣ погоня всѣхъ русскихъ журналовъ за именемъ Чехова. Такая погоня была по крайней мѣрѣ понятной. Мнѣ понятной и въ достаточной мѣрѣ юмористической была претензія разныхъ партій присвоить себѣ Чехова.

«Онъ сочувствуетъ социализму» — говорили одни. «Онъ либералъ» — отвѣчали другіе. А Чеховъ былъ попросту по-прежнему независимой мысли, появившимся въ пору распада народничества и пѣлаго ряда тенденцій, пытавшихся овладѣть литературой. На все это онъ и отвѣтилъ впоследствии повѣстями «Мужики», «Въ оврагѣ». А на мою долю выпало наблюдать съ перваго же знакомства эту ревнивую охрану свободы творчества со стороны начинающаго писателя, что и характеризуетъ близость его нравственнаго облика къ идеальному типу поэта. И не это одно, а еще и то, что творчество совершенно очевидно было главнѣйшимъ его дѣломъ, всѣмъ содержаніемъ его жизни. Къ творчеству онъ относился такъ же ревниво, какъ и къ свободѣ. И когда я, дебютировавъ въ литературѣ, одновременно увлекался земской дѣятельностью въ области народнаго образованія, онъ неоднократно пытался приковать меня къ литературѣ, повторяя образные, чисто человѣческіе доводы:

— Какъ это ты не понимаешь, что нельзя быть одновременно музыкантомъ въ оркестрѣ и стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ?

И дѣйствительно творчество, только одно оно, наполняло всю его жизнь.

Мысль его въ этомъ направленіи работала постоянно. Мнѣ вспоминается теперь, какъ мы ѣхали съ нимъ однажды изъ Петербурга въ Москву. Пассажирскій поѣздъ тянулся сутки, останавливаясь на всѣхъ многочисленныхъ станціяхъ. Была весна, въ вагонѣ было жарко и скучно, разговоръ нашъ уже утомилъ, и мы глядѣли разсѣянно, какъ на многихъ станціяхъ поѣздъ встрѣчалъ какія то мѣстные барышни, тоже скучавшія, всегда попарно и всегда подъ руку. И это тотчасъ же пробуждало творческую мысль моего спутника.

— Что у нихъ за жизнь? Какая должна быть, тоска. Имъ хочется общества, а имѣсто него одинъ телеграфистъ, да и тотъ занятъ. Давай про нихъ сочинять. Ты бери себѣ правую, а я себѣ возьму лѣвую.

И скоро забылъ о своей барышнѣ, спозаранку укладываясь спать, а на другой день, уже подъѣзжая къ Москвѣ, Чеховъ сказалъ мнѣ:

— Я все думалъ о станціонной жизни, даже ночью проснулся. Тоскливая она должна быть для молодежи.

Вѣроятно, напряженіе творческой мысли, посѣтившее моего спутника въ вагонѣ, выразилось въ какомъ-либо рассказѣ, но вспоминая теперь объ этомъ, я думаю — какъ ошибаются люди, представляя себѣ такъ называемое сочинительство мгновеннымъ, не стоящимъ усилій, почти пустымъ дѣломъ. И всякій разъ, вспоминая о Чеховѣ, мнѣ вспоминается образъ человека, переполненнаго напряженіемъ творческой мысли. И это вездѣ. Въ Мелиховѣ, гдѣ среди всяческихъ денежныхъ недостатковъ любовно налаживалось небольшое его деревенское хозяйство, и въ Ялтѣ, гдѣ въ прекрасной благоустроенной дачѣ Чеховъ буквально каждую минуту продолжалъ горѣть своимъ творчествомъ. А какое къ нему любовное, внимательное и вмѣстѣ съ тѣмъ строгое отношеніе проявлялъ авторъ! Мнѣ случилось, по его просьбѣ, читать черновики пьесы «Три сестры». Читать я долженъ былъ ровно, безъ декламации, наблюдая, чтобы актъ въ такомъ чтеніи тянулся около получаса, такъ какъ актеры растянутъ паузами и декламацией. И часто авторъ останавливалъ чтеніе.

— Постой. Здѣсь, кажется, мало движенія. Надо убрать лишнее въ монологи. И было ясно, что Чеховъ видитъ передъ собой живыхъ людей, даже слышать, быть можетъ, ихъ голосъ, и что все это достигается напряженіемъ творческой мысли.

Если есть въ писательскомъ трудѣ, къ сожалѣнію, нѣкоторая не отъ него зависящая доля ремесленничества, то вотъ этого то ремесленничества совсѣмъ и не было замѣтно у Чехова. Не было замѣтно и тогда, когда онъ жаловался на малые гонорары, нужные для помощи семьѣ или для неотложныхъ нуждъ меліховскаго хозяйства... Повторяю, что человѣческій образъ Чехова близко подходитъ къ идеальному типу поэта. Безграничная любовь къ литературѣ, напряженное творчество и ревнивая охрана его свободы — такимъ въ воспоминаніи встаетъ передо мной образъ этого чрезвычайно добраго, остроумнаго и умнаго человека.

Извѣстность Чехова росла не по днямъ, а по часамъ, дѣлая его одно время такъ сказать, самымъ моднымъ писателемъ. О немъ говорили вездѣ, съ нетерпѣніемъ ждали cadaго его рассказа. И трогательно было наблюдать, съ какой стыдливой застенчивостью относился Чеховъ къ своей все растущей извѣстности. Да и въ интимномъ кругу, въ товарищескомъ разговорѣ, стоило только перейти къ восторженной похвалѣ, какъ онъ уже конфузливо останавливалъ собесѣдника. Такая скромность была особенно характерна въ ту эпоху, когда слишкомъ замѣтно мѣнялись литературные нравы.

Открытое или затаенное стремленіе къ славі, присущее искусству, въ тѣ

годы явно замѣнялось стремленіемъ къ успѣху. Объявленія на огромныхъ афишахъ величиной въ простыню, портреты въ газетахъ, преимущественно бульварныхъ, личные выступленія по личнымъ поводамъ, — все это входило въ литературный обиходъ. Казалось, что писатель не только идетъ съ улицы, но и улицу ведетъ за собой, стараясь на нее опереться. Мнѣ случалось слышать прежде и теперь, что такая перемена естественна въ виду окончанія дворянской литературы. И я думаю, что это неправда, или, по крайней мѣрѣ, не вся правда. Психологическій сдвигъ, о которомъ идетъ рѣчь, думается, имѣетъ болѣе глубокия причины. По крайней мѣрѣ, мнѣ не случалось встрѣчать болѣе стыдливо-скромныхъ людей по отношенію къ своему творчеству, чѣмъ Г. Успенскій и Чеховъ, а видъ оба они вышли не изъ дворянской среды...

Извѣстность сдѣлала Чехова, досадливо мѣшала ему и принимала иногда поистинѣ комическія формы. Особенно въ Ялтѣ, къ коей болѣзнь приковала его надолго и гдѣ сезонная публика вообще была равнодушна ко всякой «извѣстности». Усердствовали преимущественно дамы, собиравшія толпой на набережной при появленіи Чехова и даже получившія отъ остряковъ прозвище «антоновокъ». Мнѣ припоминается теперь случай, когда въ тихій и жаркій вечеръ Чеховъ предложилъ мнѣ пойти поужинать въ городской садъ. И только что мы заняли столикъ и заказали ужинъ съ тѣмъ, чтобы послушать оркестръ и продолжить интересовавшій насъ разговоръ, какъ уже кругомъ начала собираться толпа и послышались шепоты:

— Чеховъ? Который Чеховъ? Онъ будетъ здѣсь ужинать?

Ужинать онъ здѣсь не сталъ.

— Пойдемъ въ кабинетъ, — сказалъ онъ мнѣ. — И поговорить не дадутъ, да и совѣстно какъ-то...

Успѣхъ и слава — очевидно разные стимулы. Первый характеризуетъ ремесленника, а второй — поэта. Чеховъ же по всѣму складу своего характера былъ несомнѣнно поэтомъ. На его долю выпала долгая борьба съ болѣзью и смертью, и это не могло не угнетать его психику, задерживая непрерывно тянувшійся въ душѣ процессъ творчества. Чехова тянуло въ самую гущу общества и въ коренную московскую Русь, и неоднократно расцѣпывалъ онъ Ялту, какъ свою невольную-сухую тюрьму. И только къ концу жизни достигъ онъ независимаго матеріальнаго положенія, котораго никогда не ставилъ передъ собой главной жизненной цѣлью. И когда средства были совершенно необходимы для устройства больного писателя въ Ялтѣ, а деньги за проданное Марксу изданіе почему-то задерживались, онъ все еще шутилъ, повторяя съ усмѣшкой:

— Не понимаю. Вѣроятно, Сергѣенко по совѣту Л. Толстого выбрасывалъ деньги...

Да и самая сдѣлка по продажѣ изданія, порученная другому, показывала сравнительное равнодушіе писателя къ своему матеріальному благополучію.

Смерть рано взяла Чехова у русской литературы. Но тѣмъ, кому привелось наблюдать его творчество съ начала до самаго конца, былъ ясенъ ростъ этого исключительнаго таланта. Отъ мелкихъ, казалось бы, ничтожныхъ подробностей суетной человеческой жизни, наводившихъ на глубокия размышленія, Чеховъ все болѣе и болѣе отходилъ къ тѣмъ духовнымъ высотамъ, которыя должны были бы быть достояніемъ и смысломъ жизни не только художника, но и всякаго человека. И ушелъ изъ жизни Чеховъ скромнымъ и отзывчивымъ человекомъ, и его напряженную творческую мысль слишкомъ рано прервала смерть. Но эта творческая мысль пережила своего автора, и надолго останется прекраснымъ памятникомъ своего времени.